

DOI: 10.18287/2542-0445-2018-24-4-118-125
УДК 882(09)

Дата поступления статьи: 12/VIII/2018
Дата принятия статьи: 16/IX/2018

М.А. Перепёлкин

НА ПИСАТЕЛЬСКИХ ПЕРЕПУТЬЯХ: Е.Н. ЧИРИКОВ, А.Л. ТОЛСТАЯ, А.Н. ТОЛСТОЙ

© *Перепёлкин Михаил Анатольевич* – доктор филологических наук, профессор, кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.
E-mail: mperepelkin@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

АННОТАЦИЯ

В статье предпринята попытка рассмотрения биографических и творческих связей и взаимовлияния трех художников слова – Е.Н. Чирикова, с одной стороны, и А.Н. Толстого и его матери А.Л. Толстой – с другой. Познакомившиеся в Самаре в середине 1890-х гг., Е.Н. Чириков и Толстые поддерживали отношения и сохраняли интерес к творчеству друг друга на протяжении многих десятилетий, о чем свидетельствуют переписка, мемуары и художественные произведения, содержащие прямые и косвенные следы их взаимного влияния друг на друга. Последнее доказывается на примере сопоставительного анализа сборника А.Л. Толстой «Захолустье» с ранними повестями Е.Н. Чирикова «Инвалиды» и «Чужестранцы», а также «Русалочьих сказок» А.Н. Толстого с «Волжскими сказками» Е.Н. Чирикова. Между «самарскими» произведениями А.Л. Толстой и написанными под впечатлением жизни в Самаре произведениями Е.Н. Чирикова есть как сходства, так и отличия; сходства касаются функции городского пейзажа в произведениях двух писателей, характера изображения городского общества, а также изображения попытки главного героя (героев) разорвать круг обыденности и вырваться из «захолустной» действительности либо доказать ее несостоятельность; отличает позиции писателей понимание тотальности «захолустья». Исследование творческого взаимовлияния Е.Н. Чирикова и А.Н. Толстого осуществлено на материале «Волжских сказок» первого и «Сорочьих сказок» второго, анализ которых позволил обнаружить следующее: в обоих случаях «сказка» позволила писателям остранить биографический опыт, действительность и вступить с ней в новые ценностные отношения, или, другими словами, сказочность обеспечивала достижение той самой эстетической дистанции, без которой было невозможным художественное освоение действительности, которая в случае Толстого была еще малознакомой для него как для начинающего писателя, а в случае Чирикова – слишком известной. Итогом этого рассмотрения становится реконструкция историко-литературного сюжета, находившегося до сих пор вне пределов литературоведческого внимания.

Ключевые слова: Е.Н. Чириков, А.Л. Толстая, А.Н. Толстой, биография, взаимное влияние, переключки, творческий диалог.

Цитирование. Перепёлкин М.А. На писательских перепутьях: Е.Н. Чириков, А.Л. Толстая, А.Н. Толстой // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2018. Т. 24. № 4. С. 118–125. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-118-125>.

Благодарности. Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 18-412-630003.

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution License Which permits unrestricted use, distribution, and reproduction in any medium, provided the original work is properly cited. (CC BY 4.0)

М.А. Perepelkin

ON THE WRITER'S CROSSROADS: E.N. CHIRIKOV, A.L. TOLSTAYA, A.N. TOLSTOY

© *Perepelkin Mikhail Anatolievich* – Doctor of Philological Sciences, professor of the Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara National Research University, 34, Moskovskoe shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

E-mail: mperepelkin@mail.ru. **ORCID:** <https://orcid.org/0000-0002-6102-6947>

ABSTRACT

The article attempts to consider the biographical and creative relations and mutual influence of three masters of the pen – E.N. Chirikov, on the one hand, and A.N. Tolstoy and his mother A.L. Tolstaya, on the other hand. Introduced in Samara in the 1890-ies, E. Chirikov and Tolstoy maintained relationships and maintained interest in each other's work for many decades, as evidenced by correspondence, memoirs and works of art containing direct and indirect traces their mutual influence on each other. The latter is proved by the example of comparative analysis of the collected book by A.L. Tolstoy «Backwater» with the early stories of E.N. Chirikov «The Invalids» and «Strangers», as well as the «Mermaid Tales» by A.N. Tolstoy with the «Volga Tales» by E.N. Chirikov. There are similarities and differences between the «Samara» works of A. Tolstoy and the works of E. Chirikov written under the impression of life in Samara; similarities relate to the function of urban landscape in the works of two writers, the character of the image of the urban society, as well as the image of the main character's attempts (heroes) to break the cycle of everyday life and break out of the “provincial” reality, or – to prove its inconsistency. The study of E. Chirikov and A. Tolstoy's mutual influence was carried out on the material of the «Volga Fairy Tales» of the first and «Shredded Tales» of the second, analysis of which revealed the following: in both cases the fairytale allowed the writers to stop biographical experience, reality to enter with it into new value relations, or, in other words, fabulousness ensured the achievement of that very aesthetic distance, without which the artistic development of reality was impossible, which in the case of Tolstoy was still unfamiliar to him as a young writer, and in the case of Chirikov – too famous. The result of this consideration is the reconstruction of historical-literary plot, which was still outside the limits of literary scholarly attention.

Key words: E.N. Chirikov, A.L. Tolstaya, A.N. Tolstoy, biography, mutual influence, roll calls, creative dialogue.

Citation. Perepelkin M.A. *Na pisatel'skikh pereput'iakh: E.N. Chirikov, A.L. Tolstaia, A.N. Tolstoi* [On the writer's crossroads: E.N. Chirikov, A.L. Tolstaya, A.N. Tolstoy]. *Vestnik Samarskogo universiteta. Istoriiia, pedagogika, filologiiia* [Vestnik of Samara University. History, pedagogics, philology], 2018, Vol. 24, no. 4, pp. 118–125. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-0445-2018-24-4-118-125>.

Acknowledgement. The article was prepared with the support of the Russian Foundation for Basic Research grant 18-412-630003.

Введение. Биографический экскурс

В феврале 1895 года находящийся в Самаре отчим А.Н. Толстого А.А. Бостром сообщил жене, А.Л. Толстой, что он «обошел Чириковых, Гейтелей и Масловских; все тебе кланяются и Леле»¹. Следует напомнить, что в это время А.А. Бостром и Толстые жили на хуторе Сосновка, лишь изредка бывая в губернском городе, но это не помешало им познакомиться с Чириковыми, которые кланялись теперь и матери А. Н. Толстого, и ему самому.

Не прервались эти взаимоотношения и после отъезда Чириковых из Самары, куда Толстые переехали в 1898-м, а А.А. Бостром – чуть позже, в 1899 году. Не потеряли они и интереса к творчеству друг друга, во всяком случае – не потеряли его родители А.Н. Толстого, продолжавшие следить за публикациями Е.Н. Чирикова в столичных

журналах. В апреле 1899 года, еще из Сосновки, А.А. Бостром писал жене следующее: «Сашуня, помнишь, мы начали при Марии Михайловне читать рассказ Чирикова “Блудный сын” в мартовской книжке “Мире Божьего”, и не дочли со скуки? Представь, что значит плохо читать! У меня ведь горло болело. В сущности, прелестный рассказ, выдающийся»².

А уже в следующем, 1900-м, году, оказавшись в Петербурге, А.А. Бостром решил возобновить личное знакомство со старыми друзьями и нанес им визит, о чем также рассказал в письме А.Л. Толстой: «Я виделся с женой Чирикова. Она встретила очень дружелюбно. Я ей сказал, что хочу просить ее мужа поместить куда-нибудь одну твою вещь. Она сказала: принесите. Вот я и торопился. Но... randevu, конечно, не состоялось. Буду

караулить сегодня <...> Сейчас иду: на почту, к Чирикову...»³.

Вначале 1900-х А.Л. Толстая активно искала пути вхождения в мир литературы и театра — на страницы столичных журналов, на театральную сцену Москвы и Петербурга и т. д., привлекая для этого всевозможные связи и знакомства. Неудивительно, что среди последних оказался и Е.Н. Чириков, успевший сделать к этому времени достаточно громкое литературное имя и способный помочь ей рекомендацией или советом. Именно поэтому в октябре 1904 года А.А. Бостром писал жене из Самары: «Еще я узнал, что Чириков теперь живет в Москве. Не забудь, будучи в Москве, его разыскать. Адреса не знаю»⁴.

А год спустя, в октябре 1905 года, уже А.Л. Толстая сообщала мужу из Москвы в Самару: «Третьего дня была у Чирикова. Он страшно занят, присутствует в качестве корреспондента на съезде констит^уционн^ых демократов. Насчет пьес советовал обратиться к Коршу, но рекомендации не дал, сказав, что с ним поссорился». И еще, два дня спустя: «Вчера заходила к Чирикову. Очень хотелось расспросить о положении дел, почему стачечники так недовольны думой, кот^орая, по-видимому, делает им чуть не авансы, хочет защищать “освободительное движение” и так скомпрометировала себя в глазах хулиганско-охранительной партии, что та желает хлопотать перед правительством, чтобы полномочия думы были с нее сняты, дума выбрана новая. Оказывается, что душа ищет золотую середину и потому в такое горячее время, когда никаких середин нет, а есть только крайности, — она сядет между двумя стульями и попадет прямо в лужу. Стачечники желают, чтобы милиция была и в их руках, а дума не хочет, боится. Стачечники же, не имея в организации милиции никакого голоса, ничем не гарантированы, что эта же самая милиция, в интересах охраны, будет лупить их же»⁵.

Последнее упоминание имени Е.Н. Чирикова в семейной переписке родителей А.Н. Толстого — январь 1906 года, т. е. за полгода до кончины А.Л. Толстой. А.А. Бостром, находящийся в Петербурге, сообщил жене о том, что он «был на сборном концерте для безработных. Пошел, главным образом, чтобы увидеть и поговорить с Чириковым. Так и не добрался до него. На сцену не пускали. Это была какая-то ошалелая толпа молодежи, которая напирала на устроителей; дело доходило в буквальном смысле до рукопашной. Смешно было видеть, что в роли “тащить и не пущать” в данном случае были студенты-устроители. А бунтующей толпой — больше барышни, которых было велие. И вот этих барышень студенты просят, просят, наконец, начинают просто спускать с лестницы»⁶.

С продолжением истории знакомства и общения Чириковых уже с самим А.Н. Толстым нас познакомил правнук писателя М.А. Чириков, пришедший по нашей просьбе следующий «фрагмент

воспоминаний бабушки о своем отце»: «Однажды утром, в 1908 году, к отцу в кабинет прошел неловкий, тяжеловатый паренек с прямыми длинными волосами. Под локтем у него торчала толстая тетрадь. Вид у него был такой необычный, что мы с сестрой переглянулись. Когда паренек скрылся за дверью кабинета, сестра шепнула:

— Настоящий недоросль!

— Что ты! Это — деревенский самородок! — поправила я.

На другой день отец, выйдя из кабинета с толстой тетрадью вчерашнего “недоросля”, взволнованно ходил и бросал фразы: “Замечательно написаны эти сказки... Если это не обработка материнских произведений, то... Да ведь это рождение большого таланта”.

Автором тетради был Алексей Толстой.

Вскоре моя мать получила от него следующее письмо: “Глубокоуважаемая Валентина Георгиевна! Очень признателен Вам за хлопоты о моей книге, но, право, я так буду рад, если осуществится издание. Если по объему книга кажется малой, то летом я добавлю сказок 10 или 15, но сдаюсь мне, что очень большой такую книгу выпускать не следует. Жму Вашу руку. Гр. А. Толстой. Привет Евгению Николаевичу»⁷.

Книга А.Н. Толстого «Сказки» увидела свет в 1910 году, когда ее автору было 27 лет. В это время Е.Н. Чириков был уже всеми признанным авторитетом, автором 8-томного собрания сочинений, выпущенного товариществом «Знание». Какова его роль и роль его жены — Валентины Григорьевны — в издании этой книги А.Н. Толстого — неизвестно, но, судя по процитированному письму, со стороны Чириковых имели место некие хлопоты, которые, по-видимому, и увенчались успехом, который стал для «вчерашнего недоросля», а ныне — начинающего писателя А.Н. Толстого путевкой в мир большой литературы, о котором некогда мечтала его мать, А.Л. Толстая. Увы, ее мечта так и осталась недостижимой, а вот А.Н. Толстому повезло больше: выпущенная благодаря в том числе хлопотам Чириковых, книга впервые обратила на него внимание читателей и критиков, отметивших талант ее автора. По выражению И.А. Бунина, «Сорочьи сказки» представляли собой «ряд коротеньких и очень ловко сделанных “в русском стиле”, бывшем тогда в моде, пуштыков» [Бунин 1967, с. 434], но сам по себе факт, что и спустя многие годы мемуарист помнил об этих «пустыках», многое значит: помнил потому, что «Сказки» не прошли незамеченными, обратили на себя внимание.

Наконец, есть еще одно свидетельство того, что А.Н. Толстой и Чириковы еще некоторое время не теряли друг друга из виду, по крайней мере — до тех пор, пока А.Н. Толстой не вернулся из эмиграции в СССР, то есть до 1923 года. Известно письмо 1922 года, написанное В.Г. Чириковой мужу, в котором фигурирует, между прочим, и имя Толстого: «Дорогой Женечка! Так хочу видеть тебя,

Милочку, Валечку, Гогу, что минутами мне делается невыносимо от тоски по вас. Сейчас до 1-го мая не принимают никаких прошений о выезде. Говорят, Алексей Толстой переезжает в Россию из Берлина. Ну, может быть, через год-два и мы поедем в Россию. Благословляю вас всех, будьте здоровы и жизнерадостны».

Е.Н. Чириков и А.Л. Толстая: анализ творческого взаимовлияния

Разговор о «писательских перепутьях» был бы неполным, если бы мы не коснулись в нем творческого взаимовлияния Е.Н. Чирикова, А.Л. Толстой и А.Н. Толстого. До сих пор вопрос о таком взаимовлиянии никогда не ставился, а напрасно: на наш взгляд, это взаимовлияние имело место, и выявление его могло бы оказаться продуктивным для понимания некоторых весьма существенных моментов в творчестве всех трех авторов.

Как известно, писательский дебют Е.Н. Чирикова состоялся в 1886 году, когда в казанской газете «Волжский вестник» был опубликован его первый рассказ «Рыжий». И в том же 1886 году в Петербурге, в типографии Стасюлевича, увидела свет вторая книга А.Л. Толстой «Захолустье», включающая в себя повесть «Изо дня в день» и очерк «День Павла Егоровича». Нам неизвестно, читал ли Чириков эту книгу Толстой или нет, но основания для того, чтобы попробовать увидеть в его произведениях 1890-х и 1900-х гг. если не следы влияния, то точки соприкосновения с включенными в «Захолустье» повестью и очерком, имеются.

Действие повести «Изо дня в день» разворачивается в губернском городе, где живут ее главные героини — секретарь городской управы Иван Кузьмич и его жена Евгения Николаевна Красновы. Он — «сын захудалого, пропившегося дьякона», рано осиротевший и выросший человеком «необычайным, озлобленным, но стойким, честным, неподкупным, не поступающим ни для кого и ни для чего своими убеждениями»; она — дочь небогатых людей, когда-то видевшая в Краснове «борца за правду, карателя зла», а позже разочаровавшаяся в нем, оказавшемся обыкновенной посредственностью, не умеющей ни любить, ни заботиться о близких. Чувствуя себя глубоко несчастной и обделенной жизнью в этом браке, Евгения Николаевна ищет выход из этой ситуации, который видится ей в том, чтобы уйти от мужа и начать самостоятельную — свободную — жизнь, но, обнаружив, что она снова беременна, героиня вынуждена отказаться и от этого призрачного выхода. Неудачей оканчивается и попытка героини вытравить ребенка или уйти из жизни самой — ее спасают, а ребенок остается цел. Финал повести неутешителен: «Жизнь вступила в свои права, и Красновы зажили прежней жизнью. Только одну перемену произвело пережитое: Иван Кузьмич стал еще сдержаннее и еще более ушел в себя; а Евгения Николаевна покорилась. Стремления, мечты, надежды на лучшее будущее, на счастье, — все ушло

в далекое прошлое, а в настоящем остались заботы о детях и о хлебе насущном» [Бостром 1886, с. 168–169].

Рисуя каждодневную безрадостную жизнь семейства Красновых, автор повести достаточно тщательно прорабатывает фон, на котором эта жизнь разворачивается. Сюда входит и изображение ближайшего окружения Красновых, представленного прежде всего семейством почтмейстера Сорокина и непосредственным начальником Краснова — городским головой Плюхиным, а также семьи живущей в другом городе сестры главной героини Марьи Николаевны Решковой, и ретроспекции в прошлое героев, и еще некоторые другие сюжетные линии, функция которых заключается в том, чтобы расширить семантическое пространство повести и оттенить ее главную линию — линию безвыходного несчастья главной героини, принужденной и дальше жить «сереньким настоящим, не загадывая дальше завтрашнего дня, ничего не желая, ничего не жалея, потому что <она> не позволяла себе не желать, ни жалеть» [Бостром 1886, с. 169].

Действие другого включенного в «Захолустье» произведения — очерка «Один день Павла Егоровича» — происходит в уездном городе, а его главный герой — земский врач Павел Егорович Кулагин, с одной стороны, тяготящийся утомительной службой в земской больнице и относящейся к ней, и ко всему остальному с унылой апатией, спустя рукава, а с другой — уже не мыслящий себя вне этой утомительной и тягостной захолустной жизни. Когда-то, в прошлом, у него были и энергия, и определенные амбиции, но теперь от них не осталось и следа — все вытеснило «захолустье», превратившее и его самого в человека, обремененного семейством и предпочитающего «есть исправническую кулебяку да любезничать с Мирточкой» [Бостром 1886, с. 197].

Пройдет почти десять лет, прежде чем Е.Н. Чириков приедет в изображенное А.Л. Толстой в повести «Изо дня в день», а отчасти и в очерке «Один день Павла Егоровича» «захолустье» и увидит выведенных ею на страницах этих произведений героев своими глазами. Речь идет, разумеется, не о каких-то конкретных людях, а об общей атмосфере провинциального губернского города. Дух и атмосфера провинциальной жизни были хорошо известны Е.Н. Чирикову и до Самары, ведь за плечами у него уже были Казань, Симбирск, Астрахань и еще некоторые города, где начинающему писателю пришлось жить более или менее длительное время. Все это, безусловно, так, но при этом важно подчеркнуть, что при всех сходствах каждый из провинциальных городов имел и свое собственное лицо, черты которого формировались под влиянием тех или иных конкретных факторов и обстоятельств. Если говорить о Самаре, то она сравнительно недавно (менее полувека назад, в 1851 году) стала губернским городом, во многом по своему духу оставаясь уездным в течение еще нескольких десятилетий. Немаловажным

обстоятельством, существенно влиявшим на дух губернской Самары 1880-х – 1890-х гг., была та роль, которую играло в ее истории купечество, не только владевшее значительными финансовыми и промышленными активами, но и определявшее общий тон городской и губернской жизни. Выпустившая в 1886 году свое «Захолустье», А.Л. Толстая стала, по большому счету, первой бытописательницей губернской Самары (а также – уездного Николаевска, изображенного в «Одном дне Павла Егоровича»), с «портретом города» которой вынужден был считаться любой, бравшийся за его изображение после нее.

Считался с ним и Е.Н. Чириков, в городах которого, изображенных в повестях «Инвалиды» и «Чужестранцы», присутствуют, как мы видели, и самарские черты тоже.

Обратим внимание на три момента, позволяющие, на наш взгляд, говорить об определенных переключках между «городами», нарисованными А.Л. Толстой и Е.Н. Чириковым.

Первый из этих моментов – это, собственно, портрет города, т. е. городской пейзаж, и его функция в произведениях двух писателей.

Между картинами города в произведениях А.Л. Толстой и Е.Н. Чирикова есть определенные различия: город Толстой кажется более патриархальным, «убогим», тогда как город Чирикова, даже при тонутих во мраке предместьях, больше, многолюднее и т. д. Впрочем, есть в этих городах, разделенных целым десятилетием, и сходства, среди которых и тот самый мрак, и грязь, и контраст между домами «туземной аристократии» и маленькими домиками обывателей, и т. д. Но главное, что сближает городские пейзажи А.Л. Толстой и Е.Н. Чирикова, – это даже не отсутствие фонарей и не лужи на площадях и улицах; главное – это та роль, которую играет город во всех перечисленных произведениях. Эта роль не сводится к тому, чтобы быть просто фоном для происходящих на этом фоне событий. Город в этих произведениях живет своей жизнью, и она, жизнь города, в конечном счете определяет и траекторию развития событий, и исход этого развития. Город вторгается в жизнь героев, чаще препятствует и лишь иногда – способствует достижению ими тех целей, к которым они стремятся. В этом выдвигании городского пейзажа в число «действующих лиц» мы видим первую переключку между условно «самарскими» произведениями А.Л. Толстой и Е.Н. Чирикова.

Второй момент, сближающий «Захолустье» с «Инвалидами» и «Чужестранцами», – характер изображения «городского общества».

В повести «Изо дня в день» последнее представлено прежде всего семейством почтмейстера Сорокина, с которым поддерживают приятельские отношения Красновы. Их приятельство состояло в том, что по воскресеньям Краснов и Сорокин «садились за стол, на который ставился графин с водкой и кое-какая закуска, и начинали дружескую беседу» [Бостром 1886, с. 27], а их жены в

это время рассматривали в соседней комнате журналы, тайно извлеченные Сорокиной из той корреспонденции, которую ее муж, почтмейстер, еще не доставил подписчикам. В «Одном дне Павла Егоровича» портрет «городского общества» несколько богаче, но в целом аналогичен предыдущему: это семейство исправника Петра Ивановича Понафидина, помощник аптекаря Петров и еще некоторые персонажи, также проводящие время за столом, где стоят «водки разных сортов» и кулебяка.

«Городское общество» Чирикова гораздо разнообразнее. В «Инвалидах» это общество, собирающееся в Татьянин день у доктора Порецкого. В другой повести – «Чужестранцы» – портрет городского общества еще богаче: это и группирующееся вокруг генеральши Натальи Дмитриевны общество «Мизерикордия», и «спиритический салон» Елены Михайловны Стоцкой, и семейство Захара Петровича Рябчикова, и еще некоторые другие. Разнообразнее и «репертуар» времяпрепровождения представителей городского общества в повестях Е.Н. Чирикова: здесь они не только пьют из графинов и едят кулебяку, но ставят спектакли и «живые картины», вызывают духов и т. д.

Но при всех отличиях между «обществами» Толстой и Чирикова существуют и сходства, и главное из них – глубокое внутреннее «захолустье», проникшее в каждого из его членов и сделавшееся единственным содержанием всей их жизни. Эти «общества» предсказуемы, механистичны, движутся по раз и навсегда определенным траекториям, отклонение от которых невозможно ни при каких условиях.

Наконец, третий момент, сближающий произведения А.Л. Толстой и Е.Н. Чирикова, состоит в изображении попытки главного героя (героев) разорвать этот круг обыденности и вырваться из «захолустной» действительности, либо – доказать ее несостоятельность. Эта попытка может быть реальной или гипотетической, доведенной до какого-то результата или так и не предпринятой героем, но именно она, эта попытка, и является в любом случае главным сюжетным стержнем всех названных произведений. Героиня повести А.Л. Толстой Евгения Николаевна попыталась вырваться из «брачной тюрьмы», но последняя оказалась сильнее и заставила женщину смириться с несвободой. Герой очерка Павел Егорович лишь на несколько минут, читая письмо университетского товарища Тулузина, почувствовал обременительную тяжесть «захолустья» и свое несоответствие с ним, но сейчас же отбросил прочь эти мысли и вновь вернулся к привычному «захолустному» образу жизни. Герой «Инвалидов» – Крюков – лишь косвенно соприкоснулся с городским обществом, не принадлежа к нему, но именно оно, это соприкосновение, стало причиной его окончательного разочарования в жизни и привело его к трагическому финалу. В другой повести Е.Н. Чирикова, «Чужестранцах», есть целая «колония», игнорирующая «городское общество» и организующая свою жизнь принци-

пиально отличным от него образом; эта «колония» и есть те самые «чужестранцы», проводящие время не на спиритических сеансах и в борьбе за внимание «тузов», а в городской библиотеке, издающие газету, читающие, думающие и т. п. Но и эта попытка своеобразного противостояния замкнутому кругу «захолустья» терпит фиаско: одни из «чужестранцев» уезжают из города, другие кончают жизнь самоубийством и т. д., а в конечном счете «колония» исчезает с лица земли, как будто ее никогда и не было, а общество генеральши и ее конкурентки Стоцкой существует и будет существовать еще долгие годы.

Пожалуй, именно этот, третий, момент, с одной стороны, сближающий произведения А.Л. Толстой и Е.Н. Чирикова, с другой — является той максимально выраженной точкой отталкивания, которая позволяет говорить не только об общем, но и о разном в их интерпретации современной действительности. Если «захолустье» Толстой тотально и из него нет и не может быть никаких выходов, то в «захолустье» Чирикова появились те самые «ранние всходы», которые пока еще слабы и обречены на гибель, но сам факт их присутствия уже делает это самое «захолустье» не столь тотальным, каким оно представлялось раньше. Сегодня оно еще сильно, но завтра оно должно будет уступить место чему-то новому, первыми признаками которого являются чириковские «инвалиды» и «чужестранцы».

И снова нам могут возразить: каковы основания видеть в повестях Е.Н. Чирикова следы влияния или диалога с А.Л. Толстой, если поднятые в них проблемы были проблемами, над которыми размышляла литература всего рассматриваемого периода? Согласимся: да, гнет и безвыходность «захолустья» — проблема, над которой думает и которую пробует решить вся литература, названная К. Чуковским, литературой «от Чехова до наших дней» [Чуковский 1908]. Но при этом никто не отменяет и того обстоятельства, что, взявшись изображать тот же самый город и тех же самых или почти тех же самых людей, что и его предшественница, Е.Н. Чириков не мог не оглядываться на уже предпринятый ею опыт и не учитывать его.

Е.Н. Чириков и А.Н. Толстой: анализ творческого взаимодействия

Теперь перейдем к еще одной теме, также имеющей отношение к разговору о «писательских перепутьях» между Е.Н. Чириковым, А.Л. Толстой и А.Н. Толстым.

Как указывалось выше, в конце 1900-х гг. на пороге квартиры Чириковых появился юный А.Н. Толстой, принесший на суд мастера — Е.Н. Чирикова — уже свои, а не материнские произведения — сказки, оцененные последним как «замечательные» и знаменующие «рождение большого таланта». Мы не знаем, какие именно сказки А.Н. Толстого читал Е.Н. Чириков — были ли это отдельные тексты, составившие «Сорочки» и «Ру-

салочки сказки», или А.Н. Толстой принес уже составленные им целые и готовые к печати сборники, но тем не менее разговор об этих прочитанных Е.Н. Чириковым толстовских сказках представляется нам также необходимым, и вот почему: как известно, примерно через десять лет после визита к нему А.Н. Толстого, в середине 1910-х, Е.Н. Чириков также обратился к «сказочному» жанру. Результатом этого обращения стал цикл «Волжских сказок», целый ряд которых заставляет вспомнить о тех самых «сказках» А.Н. Толстого. Безусловно, речь не идет о каких-либо буквальных переключках, реминисценциях и т. п., речь о другом, а именно — о причинах обращения обоих писателей к жанру сказки и о художественной функции сказочного элемента в творчестве каждого из них.

На наш взгляд, причина в обоих случаях была одной и той же: «сказка» позволяла оградить биографический опыт, действительность и вступить с ней в новые ценностные отношения, или, другими словами, сказочность обеспечивала достижение той самой эстетической дистанции, без которой было невозможным художественное освоение действительности, которая в случае Толстого была еще слишком малознакомой для него как для начинающего писателя, а в случае Чирикова — чрезвычайно хорошо известной, «намылившей глаз». С этим связано и различие в художественных функциях сказочного элемента у Е.Н. Чирикова и А.Н. Толстого, для разговора о котором остановимся на двух одноименных сказках каждого из писателей — «Водяной» и «Русалка».

Рассказ Е.Н. Чирикова «Водяной» увидел свет в 1911 году на страницах журнала «Пробуждение». Герой рассказа — когда-то юный студент и охотник, а теперь — немолодой уже человек, у которого осталась «неизгладимая памятка» о событиях тех давних дней — «дробь в теле, вот здесь, в ноге; много дроби вынули, а штук пять до сих пор перекатываются под кожей, а осенью дают себя не только помнить, но и чувствовать» [Чириков 2000, с. 331]. Случайно познакомившись в те давние дни с женой «водяного», как он окрестил для себя местного мужика, охотника, студента, по ее просьбе, помог ей бежать от мужа, ожидая за эту помощь обещанную ему «награду», которой должна была стать ночь любви; но вместо любовных утех незадачливого студента ждала погоня «водяного» и выстрел из охотничьего ружья, память о котором до сих пор дает о себе знать.

Другой рассказ — «Русалка» — был опубликован в том же 1911 году на страницах «Современного мира». Это также рассказ-ретроспекция, герой которого вспоминает о своей юношеской любви к девушке, оставшейся у него в памяти под «именем» Русалки, полученным ею в результате происшествия, ставшего началом их любви друг к другу: то ли случайно, то ли намеренно, с тем чтобы привлечь к себе его внимание, упав с лодки, девушка была прозвана так теми, кто узнал об этом про-

исшествия, а вскоре она и в самом деле покорила героя своей юной непосредственностью и искренностью. Между героями вспыхивают жаркие чувства, которым не могут помешать никакие препятствия, и вот они уже готовы вступить в брак, но накануне венчания они отправляются в театр, где во время представления начинается пожар и публика в панике бросается вон из зала. Спасается бегством и герой, позабывший во время этого бегства о своей возлюбленной, которая не погибла и даже не пострадала, но — не смогла простить жениху его панического бегства из горящего театра, где осталась она, его избранница. В финале рассказа Русалка уезжает в неизвестном направлении, а горе-жених остается наедине со своими воспоминаниями.

Как видим, в обоих случаях сказочный элемент едва намечен, присутствует лишь в названиях, между тем как сами рассказы вовсе не «сказочны» и не оправдывают тех ожиданий, которые вправе предъявить к ним читатель, еще не знающий содержания самих рассказов. Зачем в таком случае этот «лишний» и на первый взгляд не вполне оправдывающий себя элемент вообще нужен? На наш взгляд, как уже было сказано, «сказочность» позволяет автору «Водяного», «Русалки» и других «Волжских сказок» вступить с действительностью (а в данном случае — это действительность прошлого, когда-то пережитых автором и героями событий и впечатлений) в принципиально другие отношения, чем те, которые связывали их до сих пор: сказочность привносит в эти отношения момент архетипического, неизбежного. Герой (а вместе с ним — автор) в какой-то момент жизни оказывается участником не только и не столько обыденного жизненного круга, сколько — героем архетипического сказочного сюжета, но затем этот, последний, сюжет снова вытесняет его из себя, и теперь на склоне лет герой вспоминает не просто о биографическом прошлом, а о том, как некогда он ненадолго стал свидетелем и в некоторой степени участником событий иного смыслового порядка.

Если искать аналогии «Волжским сказкам», то первое, что приходит на ум, это бунинские «Темные аллеи», также представляющие собой ретроспекции в прошлое, причем чаще всего это прошлое окрашено лирическими тонами, связано с воспоминаниями о любовных сюжетах, но у Бунина сказочный элемент отсутствует, и его ретроспекции — как раз собственно биографические, путешествия по «темным аллеям» памяти. Тогда как в «Сказках» Чирикова герой возвращается не только в свое, но и во всеобщее архаическое прошлое, присутствие которого — хотя бы в качестве воспоминаний о нем — представляется Е.Н. Чирикову важным, так как именно оно, это прошлое, обозначает ныне практически утраченное единство «отчего дома», покинутого «блудными сыновьями», которые еще помнят о нем, но уже никогда не смогут в него вернуться. Есть в этой «сказочности» Чирикова и некоторое сожаление о собствен-

ной небрежности и неумении ценить это самое единство, легковесно растраченное им вместе с другими современниками, которые в погоне за идеологическими жупелами просмотрели и не сберегли то, что им было дано от рождения, — свою идентичность, сказочный язык, любовь к дому и близким. «Человечество любишь, а ребят обижаешь... А ведь как было бы великолепно, если бы твое человечество состояло из таких милых, таких чистых экземпляров!..» [Чириков 2000, с. 353] — говорит герою «Русалки» его дядюшка; об этих незамеченных в свое время и обиженных «ребятах» и жалеет теперь вспоминающий свое сказочное прошлое автор «Волжских сказок».

Среди «Русалочьих сказок» А.Н. Толстого также есть сказки «Водяной» и «Русалка», гораздо больше похожие на читательские представления о сказках, чем одноименные произведения Е.Н. Чирикова. Так, в «Водяном» мужик встречается на базаре водяного, торгующего у него козла, а потом, пойманный этим водяным и унесенный им на дно озера, с трудом добывается того, чтобы выжить и вернуться обратно на землю. В другой сказке, «Русалка», старик, поймавший русалку, изо всех сил старается угодить ей и в конечном счете бросается в омут, откуда выходит с тех пор по ночам, «стоит над водой седая его голова, мучаясь, открывает рот».

Мифологические сюжеты, сказочные персонажи, традиционные сказочные композиционные элементы, такие как зачин, присказка и т. д., — казалось бы, все это делает сказки Толстого в самом деле сказками. Однако и здесь дело обстоит несколько более сложным образом. На эту мысль наводят финалы обеих сказок. В «Водяном» этот финал следующий: «Отдышался мужик, встал на ноги в своем виде, почесался и сказал: Ну да, оно ведь это тоже нелегко, с крестьянством-то» [Толстой 1951, с. 158], в «Русалке» же такой финал: «Да мало ли что наплести можно про старого деда!». Как нам представляется, эти и подобные финалы других сказок ставят под сомнение самую сказочность, прозаизируют сказочную фактуру, превращая ее в одном случае в заложницу социального контекста, а в другом — в байку, побасенку, к которой ни в коем случае нельзя относиться с доверием. В таком случае правомерен вопрос: зачем Толстой рассказывает сказки и сам же ставит их под сомнение финальным аккордом?

На наш взгляд, ситуация здесь следующая. Работая над «Сорочьими» и «Русалочьими сказками», А.Н. Толстой решал одну очень непростую задачу, настоящее решение которой он найдет много позже, когда будет писать «Повесть о многих превосходных вещах (Детство Никиты)». Эта задача состояла в том, чтобы нарисовать тот мир, в котором прошло его детство, которое и сделало его писателем, — мир, наполовину сказочный и фантазмагорический, состоящий из крестьянских суеверий и почти языческих обрядов, а наполовину — совершенно прозаический, полный хозяйственных

проблем и забот. Наиболее адекватным языком для рассказа об этом мире на этом, первом, этапе писательского творчества Толстого оказался язык «как бы сказок», в которые можно верить или не верить, а еще лучше — верить и не верить одновременно, а позже, в полусказочной-полуреальной повести «Детство Никиты» А.Н. Толстой найдет для решения этой же задачи другие ресурсы и возможности.

Вместо заключения

Повлияли ли «Сказки» А.Н. Толстого на Е.Н. Чирикова, вслед за визитом к нему «настоящего недоросля / деревенского самородка» Толстого, обратившегося к «сказочному» жанру, или это обращение было итогом совершенно самостоятельного творческого развития писателя, который рано или поздно открыл бы для себя «сказочный код» и предоставляемые им возможности? Сегодня на этот вопрос ответа уже не найти. Да дело, в конце концов, и не в том, почему именно тот или иной писатель открыл для себя сказочный или какой-то иной код, под чьим влиянием и после прочтения какого произведения. Гораздо важнее, что оба художника, обладая разным жизненным и творческим опытом, ощутили креативный потенциал этого кода и воспользовались им для решения в чем-то разных, а в чем-то — очень близких художественных и мировоззренческих задач.

Примечания

¹ А.А. Бостром — А. Л. Толстой, 24 февраля 1895 г. ИМЛИ, 6330/25.

² А.А. Бостром — А. Л. Толстой, 6 апреля 1899 г. ИМЛИ, 6330/85.

³ А.А. Бостром — А. Л. Толстой, 19 января 1900 г. ИМЛИ, 6330/90.

⁴ А.А. Бостром — А. Л. Толстой, 17 октября 1904 г. ИМЛИ, № 6331/4.

⁵ А.Л. Толстая — А. А. Бострому, 16-18 октября 1905 г. ИМЛИ, 6311/140.

⁶ А.А. Бостром — А. Л. Толстой, январь 1906 г. ИМЛИ, 6330/130.

⁷ Местонахождение подлинника письма нам не¹¹известно.

Библиографический список

Бостром 1886 — *Бостром А.* (Толстая А.Л.). Захолустье. СПб., 1886.

Бунин 1967 — *Бунин И.А.* Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. М., 1967.

Толстой 1951 — *Толстой А.Н.* Полн. собр. соч.: в 15 т. Т. 1. М., 1951.

Чириков 2000 — *Чириков Е.Н.* Зверь из бездны: Роман, повести, рассказы, легенды, сказка. М., 2000.

Чуковский 1908 — *Чуковский К.* От Чехова до наших дней. Литературные портреты. Характеристики. СПб.; М., 1908.

References

Bostrom 1886 — *Bostrom A.* (Tolstaya A.L.). Zakholust'e [Backwoods]. SPb., 1886 [in Russian].

Bunin 1967 — *Bunin I.* *Sobr. soch.: v 9 t. T. 9* [Collected works: in 9 Vols. vol. 9]. М., 1967 [in Russian].

Tolstoy 1951 — *Tolstoy A.* *Poln. sobr. soch.: v 15 t. T. 1* [Complete set of works: in 15 vols. Volume 1]. М., 1951 [in Russian].

Chirikov 2000 — *Chirikov E.N.* *Zver' iz bezdny: Roman, povesti, rasskazy, legendy, skazka* [The Beast from the Abyss: Novel, stories, stories, legends, fairy tale]. М., 2000 [in Russian].

Chukovsky 1908 — *Chukovsky K.* *Ot Chekhova do nashikh dnei. Literaturnye portrety. Kharakteristiki* [From Chekhov to our days. Literary portraits. Specifications]. SPb.; М., 1908 [in Russian].